

— Поехали, — сказал Цинфэн.

Кучер кивнул и быстро направил повозку за город.

— В Сучжоу, — слабо произнес Ю Лило.

— Хорошо, господин, не беспокойтесь, — ответил Цинфэн и приказал кучеру:

— В Сучжоу.

Цинфэн знал, почему Ю Лило хотел отправиться в Сучжоу. Он также знал, что мягкость южных городов давно привлекала Ю Лило. Цинфэн помнил, как Ю Лило и Янь Цзыцин обсуждали, куда уехать на покой. Ю Лило любил Ханчжоу, говоря, как прекрасно было бы каждый день любоваться красотами озера Сиху. Янь Цзыцин же предпочитал Сучжоу, утверждая, что этот город дарит ощущение уединения, с его белыми стенами и черными крышами, где они могли бы слушать дождь, наслаждаясь компанией друг друга. Их споры всегда заканчивались ничем.

На городских воротах стояли Янь Цзыцин и Янь Цзымо, наблюдая, как знакомая повозка уносится за пределы города, поднимая облако пыли, пока не исчезла из виду.

— Седьмой брат, ты действительно веришь, что эти слезы русалки принадлежат господину Лило? — не сдержался Янь Цзымо.

Янь Цзыцин покачал головой.

— Мне не нужно верить. Если бы он сказал, что это не он, я бы поверил ему, даже если бы это было не так. Но теперь он сам признался, так какая разница, что я думаю?

Сердце Янь Цзыцина словно опустело. Та часть, которая только что уехала с той повозкой, больше не вернется.

— Седьмой брат, пора идти на утренний прием. Думаю, вскоре отец-император объявит о своем отречении, — сказал Янь Цзымо. Хотя у него было множество вопросов, он понимал, что для Янь Цзыцина это может быть лучшим исходом. Однако он чувствовал, что его прежний брат исчез. Теперь Янь Цзыцин обладал истинной властью, он стал серьезным, как будто в мире больше не было ничего, что могло бы его обрадовать.

Янь Цзыцин кивнул и направился к залу приемов. Уже издалека он увидел, как министры стоят на коленях по обе стороны, а Янь Жочжэнь поднимается на трон на паланкине.

Янь Цзыцин и Янь Цзымо подошли и поклонились Янь Жочжэню. Тот с трудом кивнул, в его глазах читалась радость. С тех пор как Янь Цзыцин согласился принять трон, настроение Янь Жочжэня значительно улучшилось.

Янь Цзыцин лично поднял Янь Жочжэня на трон и, усадив его, почтительно встал рядом.

Янь Цзымо взял у евнуха Цяня императорский указ, который Янь Жочжэнь подготовил заранее, и громко объявил:

— Отец-император болен и нуждается в длительном отдыхе. Он передает трон седьмому брату. Вот его собственноручно написанный указ.

— По велению Небес, императорским указом объявляется: седьмой сын Янь Цзыцин, добрый и

мудрый, обладает выдающейся смелостью и воинскими заслугами. Ныне я передаю трон седьмому сыну. Да будет так!

Закончив чтение, Янь Цзымо услышал громкое:

— Да здравствует император десять тысяч лет!

Никто больше не сомневался в подлинности указа, поскольку накануне те, кто сомневался, что император был вынужден отречься в пользу Янь Цзыцина, были арестованы за «распространение слухов и нарушение порядка в зале» и получили пятьдесят ударов палкой. Сегодня они не могли даже встать с постели.

Придворные смотрели на Янь Цзыцина. Его резкие черты лица больше не были такими мягкими, как раньше. Те, кто раньше поддерживали наследного принца и Янь Цзымо, теперь смотрели на Янь Цзыцина как на демона из ада, боясь, что любая ошибка приведет к беде.

Жесткая политика Янь Цзыцина дала свои плоды: больше никто не осмеливался что-либо говорить.

Янь Цзымо посмотрел на лицо Янь Цзыцина. Раньше в его глазах была жизнь: страсть на поле боя, радость в любви. Теперь же там не было ни капли эмоций. Он стоял, как статуя, смотря на всех сверху вниз, без радости и печали.

Янь Цзыцин уже год как стал императором. Каждое утро министры предлагали ему выбрать наложниц, но он неизменно отказывался.

Все лишь вздыхали, говоря, что новый император хочет совершить великие дела. Но только Янь Цзымо знал, что в сердце Янь Цзыцина больше не было места для кого-либо другого.

Он приказал перенести все вещи из резиденции принца Лина во дворец Лошэнь, сохранив каждую деталь интерьера. Каждый день Янь Цзыцин проводил утренний прием, обедал, а затем запирался в кабинете, читая доклады до глубокой ночи. Иногда, закончив раньше, он брал меч и шел в императорский сад, чтобы тренироваться.

Янь Цзымо знал, что название дворца Лошэнь происходит от имени Ю Лило. Янь Цзыцин настолько загружил себя работой, чтобы не думать о прошлом.

Янь Цзымо слышал от слуг, что иногда Янь Цзыцин не мог уснуть и шел спать в свою боковую спальню. Многие слуги не знали, кто раньше жил в этой комнате, считая, что император просто любит менять кровати, чтобы избавиться от бессонницы.

Янь Цзымо махнул рукой, отпуская слуг. Каждый раз, когда он слышал их рассказы, ему становилось тяжело на душе.

Сучжоу. В небольшом дворе у реки Ю Лило лежал в шезлонге, наблюдая, как солнце медленно садится за горизонт. Ему казалось, что он сам похож на это солнце, готовое исчезнуть.

Цинфэн приготовил кашу и, держа миску, подошел к Ю Лило.

— Господин, вставайте, поешьте.

Он помог Ю Лило сесть и уже собирался кормить его, как услышал шум за дверью. Цинфэн насторожился, прислушиваясь.

Ю Лило усмехнулся. Ведь он все еще ребенок, и его любопытство не угасло.

— Пойди, посмотри, — сказал он.

Цинфэн радостно выбежал и быстро смешался с толпой за дверью. Вернувшись, он выглядел озабоченным.

Ю Лило, заметив перемену, спросил:

— Что случилось?

Цинфэн покачал головой.

— Ничего.

Ю Лило вздохнул.

— Цинфэн, мы столько лет вместе. Ты думаешь, я не пойму?

Цинфэн понял, что не сможет обмануть Ю Лило, и сказал:

— Люди за дверью обсуждают, что новый император нашел многих свидетелей дела семьи Му. И ту наложницу, которая под пытками призналась, что первой напала на генерала Му. Ночью генерал, не видя, защищался, что привело к гибели всей его семьи.

Ю Лило замер. Он не ожидал, что первым делом Янь Цзыцин займется реабилитацией семьи Му.

Цинфэн продолжил:

— Новый император восстановил усадьбу семьи Му, вернул генералу Му титул великого генерала, защищающего страну, и присвоил Му Тинье звание генерала-победителя.

Закончив, Цинфэн с беспокойством посмотрел на Ю Лило.

Но тот лишь улыбнулся, и на его лице появилось что-то вроде облегчения.

— Да, это хорошо. Цзыцин действительно мудрый император. Цинфэн, я не ошибся. Мы дали миру доброго правителя.

Цинфэн знал, что, несмотря на облегчение, в сердце Ю Лило было много боли.

Когда он кормил Ю Лило кашей, то заметил, что тот отвлекся.

— Господин, может быть...?

Ю Лило сразу же прервал его.

— Цинфэн, никаких «может быть». Ты знаешь, если я вернусь к Цзыцину, его обязательно начнут критиковать. Разве он сможет спокойно сидеть на троне?

Цинфэн поставил миску, его настроение упало.

— Но, господин, ты несчастен, и седьмой господин несчастен.

Ю Лило закрыл глаза, как всегда, когда хотел избежать разговора.

Цинфэн продолжил:

— Господин, ты не знаешь, но я видел, как седьмой господин заперся в своей комнате, ничего не ел и не пил, когда ты был в темнице. Все в резиденции принца Лина поступили так же, чтобы отвлечь его. Это он отправил меня забрать тебя, дал нам деньги и организовал повозку. Ты знаешь?

Ю Лило молчал, его глаза были плотно закрыты, но Цинфэн заметил, как две слезы скатились по его щекам. Ю Лило стиснул губы. Его сердце тоже болело. Он боялся, что, если поддастся, бросится к Янь Цзыцину. Каждую ночь за этот год Ю Лило видел сны о том, как они были вместе: в Наньцзяне, в Ханчжоу, во дворце. Каждая деталь была так ясна, даже тепло Янь Цзыцина он чувствовал отчетливо. Но каждый раз сон заканчивался тем, что Янь Цзыцин оставался один в глухом дворце, без улыбки, обреченный на одиночество.

<http://bllate.org/book/16758/1541008>